

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ В XX СТОЛЕТИИ

документы
воспоминания
свидетельства

Сергей Фирсов

Церковь в Империи

Очерки
из церковной истории
эпохи Императора
Николая II

Сергей Фирсов

**Церковь в Империи. Очерки
церковной истории эпохи
Императора Николая II**

Православное издательство "Сатись"

2007

Фирсов С. Л.

Церковь в Империи. Очерки церковной истории эпохи Императора
Николая II / С. Л. Фирсов — Православное издательство
"Сатись", 2007

ISBN 978-5-7868-0088-4

Настоящая книга представляет собой сборник статей, посвященных проблемам церковной жизни и церковно-государственных отношений эпохи Императора Николая II. Некоторые из представленных материалов публикуются впервые; большинство работ увидело свет в малотиражных изданиях и на сегодняшний день недоступно широкому читателю. В статьях, составляющих книгу, затрагиваются темы, не получившие освящения в монографиях автора «Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России» (СПб., 1996) и «Русская Церковь накануне перемен (1890-е-1918 гг.)» (М., 2002). Книга предназначена специалистам-историкам и религиоведам, а также всем интересующимся историей России и Русской Православной Церкви в последний период существования Империи.

ISBN 978-5-7868-0088-4

© Фирсов С. Л., 2007
© Православное издательство
"Сатись", 2007

Содержание

Вступительное слово	6
Краткий обзор истории Православной Российской Церкви в 1901–1917 гг	9
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сергей Фирсов
**Церковь в Империи. Очерки из церковной
истории эпохи Императора Николая II**

По благословению

Архиепископа Брюссельского и Бельгийского

СИМОНА

Вступительное слово

История Православной Российской Церкви эпохи последнего царствования – тема, в последние годы активно изучаемая и обсуждаемая. Случайным это назвать нельзя. Новый мир, в котором религии места не предусматривалось, навсегда уничтожил прежние формы взаимоотношений Церкви и светской власти, принципы конфессиональной государственности. В условиях строительства «коммунистического завтра» на Православие стали смотреть как на политический и идеологический «реликт», само существование которого обуславливается только временем. Логика была достаточно проста: строительство нового мира неизбежно содействует уменьшению числа верующих в стране, доказывая верность марксистской идеологии (тем более что строительство предполагало и насильственные методы воздействия на носителей чуждой идеологии). 1920-е – 1930-е гг. показали это со всей ужасающей очевидностью. Даже условное «возрождение» Церкви во время Великой Отечественной войны не привело к отказу советских властей от ленинской антирелигиозной идеологии – хрущевские гонения явились тому очередным доказательством. В дальнейшем, вплоть до второй половины 1980-х гг., религия и Церковь продолжали жить в системе жестко установленных правил, в качестве «терпимых» противников антирелигиозных принципов, исповедовавшихся коммунистической партией.

Падение коммунизма и выход Церкви из невольного семидесятилетнего идеологического плена актуализировали многие вопросы, ранее считавшиеся табуированными. Одним из них и был вопрос о ее (Церкви) предреволюционном бытии. В самом деле: чем была в императорской России Православная Церковь – только ли «безгласной служанкой» государства и его «идеологическим оружием»? Можно ли (и нужно ли) повторять старые советские обвинения Церкви в том, что она являлась «верным столпом самодержавия», не слишком задумываясь над очевидной некорректностью подобного рода заявлений? Кроме того, необходимо было ответить и на вопрос о роли монархической государственности в деле церковного строительства в конце XIX – начале XX вв., о роли обер-прокуроров Святейшего Синода, о состоянии внутрицерковной жизни и т. п. Ответы на эти, как и на многие другие вопросы, требовали отказа от идеологических штампов недавнего советского прошлого и в то же время заставляли с осторожностью относиться к заявлениям новых мифотворцев, рассматривавших эпоху Императора Николая II как сугубо «золотое время», уничтоженное происками «злых сил».

Понимая все сложности, на заре 1990-х гг. я приступил к изучению проблем взаимоотношений Церкви и государства конца XIX – начала XX вв., частично обобщив свои исследования в монографии «Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России», вышедшей в издательстве Русского Христианского гуманитарного института в 1996 году. В книге рассматривались важнейшие проблемы, стоявшие перед Церковью в период после Первой российской революцией и вплоть до Февраля 1917 г. Монографическим продолжением и развитием настоящей темы стало появление в 2002 г. в Москве работы «Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х-1918 гг.)», в которой существенное внимание было уделено подготовке и началу церковных реформ, работам Предсоборного Присутствия 1906 г. и положению Церкви после падения самодержавной власти в России. Однако многие вопросы настоящей темы оказались за рамками этих книг, получив свое развитие в статьях. Кроме того, я составил краткий очерк основных событий русской церковной жизни последних лет императорской России, который в популярной форме позволял бы заинтересованному читателю ознакомиться с материалами, исследованными в двух названных выше книгах. Этот очерк – своего рода введение в тему. Он и открывает настоящий сборник.

Следующий материал посвящен истории парадного портрета Императора Николая II. Совсем небольшой текст является по сути комментарием к изображению, волею истории ставшему символом. Впервые текст появился в Московском церковном вестнике (2002, № 14–15).

Следующий текст посвящен Саратовским торжествам 1903 г., в которых участвовала и Царская Семья. Он был опубликован в материалах V Всероссийской исторической научно-практической конференции, посвященной 100-летию канонизации при. Серафима Саровского (Саров, 2004). Продолжающая настоящую книгу работа о должности обер-прокурора Святейшего Синода в начале XX столетия посвящена вопросу о юридическом статусе главы ведомства православного исповедания накануне революции 1905 г. Эта работа, как и следующая за ней статья «Православная Церковь между двух революций», публикуется впервые. Хронологически увязывается с названной выше и статья о церковном реформаторстве начала XX века, посвященная старообрядческому епископу Михаилу (Семенову), бывшему православному архимандриту и профессору С.-Петербургской Духовной Академии. Статья увидела свет в сборнике памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева («Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв.» СПб., 1999). С тем же временем связана и другая проблема, оказавшаяся востребованной в наши дни – проблема канонизации Императора Павла I. Именно в начале XX в. вопрос о святости сына Екатерины II всерьез стал обсуждаться в церковных и околоцерковных кругах. Статья об этом увидела свет в сборнике памяти Ю.Д. Марголиса (СПб., 2000).

Статья «Религиозная критика социализма в Православной Российской Церкви начала XX века» была опубликована в № 2 (5) 1998 г. петербургского журнала для ученых «КЛИО». Работа оказалась испорчена тем, что при корректуре «исчезли» все ссылки. Таким образом, настоящая публикация позволяет читателю не только следить за ходом мысли автора, но и видеть те материалы, которые он использовал. Представленная статья, как мне кажется, дает дополнительные аргументы в пользу того обстоятельства, что Церковь в начале XX века стремилась найти ответы на злободневные вопросы как социально-политического, так и морально-нравственного характера, часто сознательно противопоставляя свои мотивы позиции «российской общественности», в том числе и настроенной «богоискательски». Аргументом сказанному, видимо, может служить впервые публикуемая в настоящем сборнике статья о церковно-юридических и социально-психологических аспектах отлучения Льва Николаевича Толстого.

Следующая статья посвящена деятельности владыки Евлогия (Георгиевского) как депутата Государственной Думы. Настоящая работа была прочитана в качестве доклада на ноябрьской (2006 г.) конференции Отдела внешних церковных связей Московской Патриархии, посвященной 60-летию со дня кончины митрополита. Ранее, в монографиях, мне приходилось писать о думском духовенстве и о «церковной» политике Государственной Думы, но специально разбирать деятельность одного из ведущих православных «парламентариев» III Думы – никогда. Данная статья, по возможности, ликвидирует этот пробел.

Продолжает серию публикаций обширная работа, посвященная изучению церковных изданий и издательской деятельности Православной Церкви в эпоху Императора Николая II. Данная работа (публикуемая впервые) позволит понять, что, как и почему издавалось Церковью в последние предреволюционные десятилетия, в том числе и о фундаментальной Православной богословской энциклопедии.

Следующий материал посвящен деятельности владыки Антония (Храповицкого) как православного полемиста и публициста конца XIX-начала XX веков. В основу этого материала был положен октябрьский (2006 г.) доклад, сделанный на конференции, посвященной 70-летию со дня кончины митрополита Антония, и проходившей в Свято-Троицкой православной семинарии Русской Зарубежной Церкви (Джорданвилл, США). Совсем недавно доклад был опубликован в научно-богословском и церковно-общественном журнале Отдела внешних цер-

ковных связей Московской Патриархии «Церковь и время». В современных условиях, когда политическая ангажированность в отношении владыки Антония стала достоянием прошлого, изучение его взглядов, форм и методов убеждения, представляется одной из актуальных проблем церковной истории последнего царствования (тем более, что вл. Антоний был одним из наиболее известных в России церковных публицистов).

В двух следующих статьях, ранее опубликованных в журналах «Новый Часовой» (1994, № 2) и «Церковно-исторический вестник» (1998, № 1), речь идет о финансовых проблемах. В первом случае рассматривается вопрос о материальном положении священно- и церковнослужителей русской армии и флота конца XIX – начала XX вв.; во втором – финансовое положение Церкви в 1907–1917 гг. Материал, который следует далее, посвящен истории подготовки Поместного Собора и поискам новых взаимоотношений между Церковью и обществом. Несмотря на то что в статье рассматриваются проблемы, освещенные в первом очерке, я все же решил включить ее в книгу (тем более что статья – аналитическая, а обзор – только фактографичен). Ранее статья о Соборе была опубликована в научно-богословском и церковно-общественном журнале «Церковь и время» (2003, № 4 (25)). Завершает сборник работа о революции 1917 г. и попытках «демократизации» Церкви, изданная в № 6–7 за 2000 г. в журнале «Церковно-исторический вестник»¹.

Дальнейшая история Церкви – история ее выживания в годы гонений на религию и борьбы власти с верующими. Это – отдельная, трагическая страница Русского Православия. И все же, убежден, ее понимание невозможно без осознания того, чем была и что могла делать Церковь перед революцией. Понимание эпохи гонений без знания церковной истории последнего царствования затруднительно и потому, что Новомученики и Исповедники Российские, причисленные к лику святых на юбилейном Архиерейском Соборе 2000 года, были воспитаны и сформировались как православные христиане именно в конце XIX – начале XX вв. Чтобы осознать их религиозный подвиг необходимо знать, что такое церковная жизнь николаевской России.

Надеюсь, что в некоторой степени решению этой непростой задачи будет способствовать и настоящая книга.

Июль 2007 г.

¹ Все публикуемые работы выходят в свет после внесения авторской и редакторской правки.

Краткий обзор истории Православной Российской Церкви в 1901–1917 гг

Начало XX в. стало для Православной Российской Церкви временем исключительным: именно тогда, впервые за Синодальный период, были практически поставлены вопросы о созыве Поместного Собора и изменении структуры высшего церковного управления. Русские архипастыри, пастыри и миряне-богословы предреволюционного периода блестяще доказали, что разговоры о глубоком «кризисе официального православия» не имеют под собой прочного основания, что церковная реформа не только желательна (об этом много писали и в предшествующем веке), но и практически необходима – для будущего империи, для сохранения церковно-государственного союза. То, что реформа все-таки не была осуществлена (хотя и достаточно подготовлена) может рассматриваться как трагедия Русского Православия, ибо Церкви (как и власти светской) оказалось не под силу преодолеть «синодальные путы». Винить в этом кого-либо – совершенно некорректно, так как глобальная трансформация политико-религиозной системы всегда сложна и непредсказуема. Однако уже то, что Церковь нашла в себе силы и желание начать сложный процесс восстановления канонического строя, разрушенного Петром Великим, заслуживает памяти и вечной благодарности потомков, которые не должны забывать, как этот процесс был начат и как проходил – вплоть до установления богоборческой большевистской власти.

* * *

XX в. начался для Русской Церкви с трагического, но давно назревшего и религиозно оправданного шага: определением Святейшего Правительствующего Синода от 20–22 февраля 1901 г. за № 557 об отлучении Л.Н. Толстого. О необходимости такого шага в церковных кругах и среди православной общественности России говорили давно, но решиться на это было непросто: любое (даже оправданное) действие, направленное против великого писателя, имело огромный резонанс не только в России, но и в мире. Однако Толстой, задолго до 1901 г., поставил себя во враждебные отношения к Церкви и ее учению. «Последней каплей», переполнившей терпение иерархов, стало, как считается, издание романа «Воскресение», в котором писатель резко (и не в первый раз) высказывался против основных постулатов православной веры и «официального» христианства. В синодальном определении указывалось, что лжеучение Толстого – «противохристианское» и «противоцерковное». Иерархи заявляли, что великий писатель посвятил «свою литературную деятельность и данный ему от Бога талант на распространение в народе учений, противных Христу и Церкви, и на истребление в умах и сердцах людей веры отеческой, веры православной». Определение гласило, что «Церковь не считает его своим членом и не может считать, *доколе он не раскается и не восстановит своего общения с нею*». Из сказанного следует, что иерархи не теряли надежды на возвращение Л.Н. Толстого в православное лоно, заканчивая свое определение характерной молитвой: «Да подаст ему Господь покаяние в разум истины» (2 Тим. 2, 25). Как известно, вплоть до своей смерти в 1910 г. Л.Н. Толстой так и не покаялся, но винить в этом православную иерархию нет никакой возможности: Святейший Синод делал все от него зависевшее, чтобы писатель не умер, находясь вне церковной ограды. Но покаяния не последовало...

В ноябре 1901 г. в Петербурге, с разрешения высшей церковной власти и при «молчаливом попустительстве» обер-прокуратуры Св. Синода, были открыты Религиозно-философские собрания (РФС). Именно тогда впервые русские интеллигенты-«богоискатели» лицом к лицу встретились с представителями Православной Церкви – «для свободного обсуждения вопро-

сов Церкви и культуры». Выдающийся богослов протоиерей Георгий Флоровский считал, что собрания знаменовали собой преодоление «шестидесятых годов» (т. е. нигилизма и безбожия) и возврат к вере. Председателем РФС, по благословению столичного митрополита Антония (Вадковского; 1846–1912), стал ректор Петербургской Духовной Академии епископ Сергей (Страгородский; 1867–1944, будущий Святейший Патриарх Московский и всея Руси). Просуществовавшие около полутора лет, собрания стали вехой в истории Православной Российской Церкви Синодального периода, доказав, что богословски просвещенные православные клирики и миряне глубоко заинтересованы в разрешении церковно-общественных вопросов и не менее, чем «богоискательски» настроенная интеллигенция, желают религиозного возрождения на основе соборности. На заседаниях РФС обсуждались отношения Церкви к интеллигенции, вопросы о Л.Н. Толстом, о свободе совести, о соотношении духа и плоти, о браке, о догматическом развитии и т. п. Всего прошло более двадцати заседаний. Разумеется, на многое участники смотрели с диаметрально противоположных позиций (по словам писателя Д.С. Мережковского, «соединения Церкви с миром не удалось»), но первый шаг по преодолению отчуждения интеллигенции и представителей Церкви был сделан. «Богоискатели» чем дальше, тем больше позволяли себе критиковать российскую «симфонию властей», порой высказывая мнения, воспринимавшиеся православными клириками и богословами как еретические. Постепенно РФС превращались в политический клуб. Разумеется, в тех условиях обер-прокуратура Святейшего Синода не могла оставаться безучастной – в апреле 1903 г. многолетний руководитель духовного ведомства (в 1880–1905 гг.) Константин Петрович Победоносцев (1827–1907) настоял на запрете собраний. Однако их идеи оказались все-таки весьма плодотворными для Церкви, ибо они содействовали пониманию здоровыми ее силами того очевидного факта, что «и в Церкви должен был начаться подъем, и не только пробуждение пастырского внимания к культуре, но и духовной заинтересованности в богословской культуре и культурности... Того и другого требовала сама жизнь, логика истории, логика событий» (прот. Георгий Флоровский).

Впрочем, это стало ясно в те же годы, когда церковная общественность стала вновь серьезно говорить о необходимости церковной реформы и восстановлении канонического строя церковного управления.

Вопрос о церковных реформах в течение многих десятилетий входил в число табуированных. Поднимать его было не столько опасно, сколько бесполезно, так как обер-прокурор Святейшего Правительствующего Синода К.П. Победоносцев искренно полагал, что именно в Церкви хранится необходимый России «запас простоты», надеялся, что духовные средства позволят обойтись без переустройства «учреждений». По мнению Победоносцева, любые разговоры о реформировании строя церковного управления мешали «нормальному» (как он его понимал) течению государственной жизни, поскольку Церковь и царство в России представляли собой нераздельное целое. Именно поэтому он считал принципиально недопустимым пересмотр петровской синодальной системы, почти за двести лет своего существования ставшей вполне «традиционной». Стараясь держать православное духовенство подальше от «злых» вопросов современности, обер-прокурор тем самым содействовал понижению их интеллектуального уровня, отстраненности и отчужденности клира от мира. Вред такого подхода осознавали не только враги Победоносцева, но и его политические друзья.

Чем дальше, тем больше современники понимали, что вопрос из теоретической плоскости неминуемо должен перейти в практическую. Ярким доказательством стала статья, появившаяся весной 1901 г. в богословско-философском журнале «Вера и разум», издававшемся в Харьковской епархии. Представлена она была в виде письма, адресованного архиепископу Харьковскому и Ахтырскому Амвросию (Ключареву; 1820–1901). Маститый иерарх, которому шел восьмой десяток лет, архиепископ Амвросий был известен консервативными взглядами в духе «Московских ведомостей» М.Н. Каткова. «Верой и разумом» он фактически руково-

дил, помещая на страницах журнала те статьи, которые отвечали его религиозно-философским представлениям. Нельзя было и представить, чтобы журнал опубликовал какой-либо материал, не уведомив архиепископа, без его согласия и благословения.

Тем удивительнее кажется опубликованное в «Вере и разуме» письмо некоего почетного гражданина «из бывших духовных» Иеронима Преображенского, который совершенно открыто заявлял о ненормальных церковно-государственных отношениях, сложившихся в России с петровских времен. Преображенский писал, что после неудачи Патриарха Никона в XVII в. Церковь *навсегда* подчинилась власти государей и по существу всегда играла роль «чего изволите», соглашаясь «духу времени». Не избежал критических нападков и обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев. Пророчески звучали слова автора письма, когда он, резюмируя, задавался вопросом, окажется ли несправедливым предположение, «что все наше духовенство, в лице своих представителей, при изменившемся сверху режиме, так же будет славословить государя конституционного, как славил оно теперь самодержавного. Итак, зачем лицемерить, ведь не в самодержавии тут сила, а в монархе». И хотя И. Преображенский надеялся на лучшее («на будущее надо смотреть с упованием»), тем не менее с горечью констатировал, что ни он, ни архиепископ Амвросий, по старости, не доживут «до того времени, когда Церковь наша очистится от всякой лжи, неправды и всего несущественного». Это было первое открытое заявление такого рода, сделанное в православном журнале с ведома православного архиерея. Именно публикация в «Вере и разуме» и положила начало активному обсуждению исключительно важных проблем церковно-государственных отношений и показала, что игнорировать многочисленные нестроения синодального устройства уже невозможно.

К тому же, начиная разговор о церковных проблемах, авторы неминуемо поднимали вопрос о религиозно-нравственном состоянии общества, которое представлялось им исключительно ненормальным. Например, защищавший архиепископа Амвросия от нападков публицист Л. Багрецов указывал на умственную и нравственную эпидемию, переживавшуюся, по его мнению, в то время и состоявшую «в отрицании Бога, Богом установленной власти и всего духовного в мире и человеке. Она грозит гибелью, – подчеркивал автор, – всякому общественному порядку, религии, грозит поколебать самые основы нашей святой Церкви и государства».

Вскоре архиепископ Амвросий скончался, и о письме И. Преображенского предпочли более не вспоминать. Но слово было сказано, и тем важнее оно было, что прозвучало при поддержке одного из старейших русских иерархов, известного своими богословскими и публицистическими выступлениями не меньше, чем консервативностью взглядов. Это значило, что даже иерархи Православной Церкви переставали соглашаться с ролью молчаливых статистов, заявляя о своих проблемах так, чтобы убедить государство: от успешности решения церковных проблем зависит и будущее православной империи.

Конечно, и светские власти прекрасно понимали актуальность религиозного вопроса. Доказательством может служить политическое завещание председателя Комитета министров Н.Х. Бунге, еще в 1890-х гг. на первый план ставившего «вопрос о введении широкой веротерпимости».

Однако проведение любых мероприятий в этом направлении предполагало прежде всего дарование прав и свобод главенствовавшей в стране конфессии, в том числе права на самостоятельное, свободное от мелочной регламентации и опеки решение внутрицерковных вопросов. Иначе говоря, необходимо было ослабление государственного контроля. Но понятный в теории вопрос непросто было перевести в практическую плоскость: ведь на протяжении почти двух веков Православная Церковь существовала в теснейшей зависимости от государства и представить последствия даже частичного пересмотра синодальной системы при всем ее несовершенстве было непросто. Это представляло тем большую трудность, что за XVIII и XIX ст. она стала частью единой системы управления империи и ее изменение неминуемо повлекло бы за собой «цепную реакцию», вызвав необходимость реформы других звеньев.

Немаловажным оставался и психологический фактор: воспитанные в духе безропотного послушания воле обер-прокурора, православные иерархи не имели опыта и традиций противостояния светской власти (за исключением нескольких инцидентов, например с ростовским митрополитом XVIII в. Арсением Мацеевичем, за противодействие церковной политике Екатерины II лишенного не только кафедры, но и монашества и переименованного в Андрея Вралья). Отсутствие таких традиций, привычка опираться в трудных случаях на государственную помощь создавали дополнительные проблемы в случае изменения церковно-государственного устройства. К тому же многолетний обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев не уважал русскую иерархию, не доверял ей, признавая только внешнюю государственную силу. Характерный пример: как-то раз один из почитателей К.П. Победоносцева выразил восхищение единодушием епископов на сессиях Святейшего Синода, на что обер-прокурор цинично заявил: «Они нарушают единство своими подписями: у каждого из них разный почерк».

Такое недоверие, в свою очередь, самым негативным образом сказывалось на внутрицерковных отношениях: между архиереями и белым духовенством, между приходскими священниками и православными мирянами. По точному замечанию известного юриста и общественного деятеля А.Ф. Кони, Победоносцев «допускал существование условий, в которых росли среди духовенства те чувства обиды и ненависти к светской власти, которые так ярко вспыхнули при освободительном движении».

Все это необходимо учитывать, когда заходит речь о событиях, предшествовавших и сопутствовавших церковным реформам начала XX в. Впрочем, несмотря на имевшиеся сложности, духовенство и церковная общественность постепенно стали заявлять о проблемах, не боясь (или боясь меньше, чем ранее) недовольства обер-прокурора. Главными центрами, откуда доносились голоса о насущности реформ, были Духовные Академии – Московская, Казанская и Санкт-Петербургская. Профессора этих духовных школ «создали для реформы огромную подготовку в богословском сознании». Но более всего в деле популяризации вопроса об изменении антиканонического устройства православного церковного управления сделали москвичи – как профессора Духовной Академии, так и православные миряне. Одним из важных этапов на пути подготовки общественного сознания к проведению церковных реформ стала статья известного церковного публициста, бывшего революционера Л. А. Тихомирова (1852–1923).

В декабре 1902 г. в «Московских ведомостях» он опубликовал большую работу под названием «Запросы жизни и наше церковное управление». В этой статье откровенно заявлялось, что необходимо восстановить нарушенный Петром Великим строй церковного управления, что «учреждения 1721 года вышли неудачными», хотя, по его мнению, принципиально и не исказили государственно-церковных отношений. Подобная поправка в тех условиях была необходима, поскольку позволяла говорить о реформе, избегая критики государственного всевластия в церковных делах. Именно поэтому Тихомиров акцентировал внимание на том, что церковное управление построено не сообразно с собственными законными принципами и основная причина тому – сохранение устарелого принципа коллегиальности, введенного сподвижником Петра – архиепископом Феофаном Прокоповичем – под прикрытием идеи соборности.

Предложения сводились к следующему. Прежде всего, Тихомиров считал необходимым возобновить и время от времени созывать Поместные Соборы, которых Святейший Синод никак не может заменить. Во-вторых, в самом Святейшем Синоде требуется разъединить функции, «ошибочно слитые воедино по вине несостоятельной и всюду отброшенной идеи коллегиальности». Это значило, что первенствующий член Святейшего Синода («митрополит резиденции государя Императора») получит все права Синода по управительным функциям, то есть права Патриарха. Далее, остальной состав Святейшего Синода сохранит свои совеща-

тельные функции, при этом его состав усилится присоединением к вызываемым членам ученых архимандритов и протоиереев. Обер-прокуратура в результате проведенных изменений должна вернуться к своей основной функции государственного надзора за законным течением дел церковного управления. Этому должна способствовать и передача права контактов с верховной властью от обер-прокурора первосвятительствующему митрополиту или Патриарху, «если первосвятитель получил бы такое наименование, для того чтобы не умалять внешнего престижа России в отношении восточных патриархий, и особенно в отношении Рима».

Таким образом, резюмировал Тихомиров, все было бы приведено в действенное состояние, тем более что органы церковного управления не уничтожены, а как бы «зарыты» в смешении всех в одно учреждение и поэтому лишаются «возможности исполнить удовлетворительно хотя бы и одну из возложенных функций». Подход публициста к проблеме нельзя не признать исключительно тонким: понимая бесперспективность критики синодальной системы и проведенной Петром в XVIII столетии церковной реформы, Тихомиров предлагает вернуться к мысли великого преобразователя России о «сильном и важном правительстве церковном», подмечая, что этого одинаково требуют интересы и Церкви, и государства. На фоне постоянно звучавших тогда заявлений о росте неверия и слабом влиянии Церкви не только на образованное общество, но и на простой народ, мысли автора могли встретить самое внимательное и доброжелательное отношение.

Так и получилось. На работу Тихомирова обратили внимание все, интересовавшиеся проблемами церковных реформ. Но у некоторых читателей возникали большие сомнения в возможностях государственной власти решить их. «Тихомиров Лев пишет, пишет, необходимо восстановить законный строй Церкви, – отмечал в дневнике близко знавший церковные дела генерал А.А. Киреев, – но это дело не правительства, а государства. Но где государство? Да и что такое? Само общество? Но как оно может говорить? Все же тут неминуемо сосредотачивается на государе. Государю же я говорил подробно об отношениях его власти (вл[ась] мирская) к Церкви. Но... кроме одобрения моим взглядам – ничего не вышло!»

Старый генерал поторопился в своих заключениях: Император не только одобрил его взгляды, но и проявил неподдельный интерес к работе Л.А. Тихомирова. Работа эта в 1903 г. вышла отдельной брошюрой и была представлена на высочайшее имя. По требованию Николая II митрополит Петербургский (в 1898–1912 гг.) Антоний (Вадковский) в марте 1903 г. написал ему отзыв о статье Тихомирова. «Я выразил согласие с тезисами автора, – вспоминал два года спустя митрополит, – и закончил свой отзыв следующими строками: “Мне всегда казалось, что при усиливающемся развитии русского самосознания, само собою – рано или поздно – наступит время, когда общественное мнение вынуждено будет сказать, что стыдно и невозможно Руси Святой жить при ненормальном строе церковного управления. Когда настанет этот желанный час, нам не дано знать. Это знает только Всеведущий Бог. Но мы все должны молиться, чтобы Господь призрел с небес милостию Своею на Свое достояние – Церковь Свою Православную и на Русь нашу Святую и великую, судьбы которых, по воле Всемогущего Бога, вверены теперь заботам Вашего Величества”».

Итак, Император узнал мнение первенствующего члена Святейшего Синода о церковной реформе. Но декабрьскими публикациями Л.А. Тихомирова дело не ограничилось. В «Московских ведомостях», которые Император регулярно читал, уже в начале 1903 г. были опубликованы новые статьи, затрагивавшие религиозные и политические вопросы русской жизни. Таким образом, вопрос получал свое развитие.

В январе газета опубликовала речь С. А. Нилуса, в дальнейшем известного церковного писателя, сказанную им в Мценском комитете о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Формально, в речи не затрагивался вопрос о церковной реформе – она была посвящена иному: как выйти из кризиса, в котором к XX веку оказалось и поместное дворянство, ряды которого безнадежно таяли, и быстро разорявшееся крестьянство. Нилус предлагал даровать

селу поместную, назначенную царской волей, а не выборную, дворянскую власть, «под селом разумея церковный приход». Разумеется, власть эта должна была находиться только в руках православного дворянства. Для контроля Нилус предлагал использовать не только высшую власть, но и (с совещательными правами) приходской совет, составленный из пастыря Церкви и избранных приходских старейшин.

Нилус, разорившийся орловский помещик, полагал правомерным искать выход из экономического тупика, в который зашло поместное дворянство, на религиозно-политическом пути. Но его предложение предусматривало усиление роли православного прихода, чего невозможно было представить без проведения изменений во всем строе русской церковной жизни. Не случайно, думается, несколько месяцев спустя о приходе вспомнил и министр внутренних дел В.К. Плеве, в разговоре с военным министром А.Н. Куропаткиным заявивший о своих планах: «Прежде всего надо приподнять значение Церкви. Вернуть церковному влиянию население. Увеличить значение прихода. Затем надо приподнять достаток сельского населения».

Увеличить значение прихода было возможно, восстановив выборность духовенства, отмененную еще Императором Павлом I в 1797 г. (вследствие участия священников в бунтах крестьян против помещиков). Отмена выборного начала привела и к отмене заручных прошений (т. е. подписанных прихожанами ходатайств о назначении к ним на приход «излюбленного» ими клирика), которые раньше обязательно требовались с прихожан. Прихожане с тех пор в большинстве своем участвовали в жизни прихода, лишь молясь на богослужениях и заказывая священникам требы.

Показательно, что, когда в 1885 г. московское земство возбудило вопрос о восстановлении древнего права прихода избирать «излюбленных людей» на должность приходских священников, Святейший Синод ответил отказом, сославшись на то, что избрание кандидата лежит на нравственной ответственности епископа. Таким образом, то, что в начале XX в. вопрос о приходе был переведен в практическую плоскость, свидетельствовало о заинтересованности властей в корректировке синодальной модели церковно-государственных отношений и, соответственно, в проведении изменений в строе церковной жизни.

Новым доказательством этой заинтересованности стала очередная статья Л.А. Тихомирова «Государственность и религия», опубликованная в «Московских ведомостях» в конце февраля – начале марта 1903 г. В ней Тихомиров выступал против усвоения государством религиозного индифферентизма как принципа, так как религия всегда неразрывно связана с нравственностью. Исходя из этого, автор говорил, что потребность охранить и развить общественную нравственность *естественно* приводит государство к связи с Церковью. Поэтому-то так важно правильно поставить «союз» гражданского и духовного общества, чтобы они друг другу не только не мешали, но и помогали.

Затем публицист вполне логично обращался к формулированию главной задачи – как государству «дать Церкви самостоятельность, возможность быть такою организацией, каковою она должна быть по *своим* законам, и при этом остаться с нею в союзе». При этом Тихомиров полагал, что имеет право быть оптимистичным и ожидать позитивного решения государственно-церковного вопроса, от которого зависит «союзное существование государственности и религии». Оптимизм публициста оправдывался тем, что интерес светских властей к церковным проблемам чувствовался тогда вполне явно. К примеру, в манифесте «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», опубликование которого было приурочено ко дню рождения Императора Александра III – 26 февраля, имелась статья, в которой указывалось на необходимость деятельно продолжать мероприятия, направленные к улучшению материального положения сельского духовенства и подъему его значения в общественной жизни паствы. Разумеется, в манифесте подчеркивалось и первенствующее значение Православной Церкви.

Стоит также заметить, что в проекте манифеста 26 февраля 1903 г., составленном близким к Николаю II издателем консервативной газеты «Гражданин» князем В.П. Мещерским, имелся пункт, предполагавший разработку условий, «на которых могла бы быть расширена разумная свобода слова и совести, в согласовании оной с духом нашей Церкви и государственного строя». Однако эта статья подверглась редактированию в первую очередь. Из нее вначале убрали, превратив в самостоятельную статью, положение о свободе совести и развили тему о роли Православной Церкви как «первенствующей и господствующей». В окончательной же редакции Государь вычеркнул вовсе статью о свободе слова, фактически исключив и статью о свободе совести.

Но, несмотря на это, важно отметить, что наряду с вопросом о положении Православной Церкви все-таки рассматривался и вопрос о свободе совести. Значит, светские власти понимали их взаимосвязь, хотя и не вполне представляли, как «технически» сохранить первенство и одновременно претворить в жизнь принцип свободы совести. С другой стороны, заявив в манифесте о необходимости участия клириков в жизни паствы, власти показали свою заинтересованность в большей, чем наблюдалась ранее, социальной активности Православной Церкви и выразили неудовлетворенность состоянием религиозного окормления мирян.

В апреле 1903 г. Император в ходе посещения Москвы заехал в Новоиерусалимский монастырь, где был погребен известный церковный реформатор Патриарх Никон. Пресса откликнулась на это посещение, заявив, что могила святителя «теперь настоящий символ примирения царя и патриарха». «Московские ведомости» не забыли указать, что только впоследствии, с появлением в России протестантских влияний, личное столкновение царя Алексея Михайловича и патриарха Никона «раздули для потомства в образчик будто бы принципиального столкновения власти церковной и государственной и сделали из памяти Никона орудие для искажения столь благотворного союза власти верховной и святительской».

Более откровенно высказаться было трудно: газета, опубликовавшая к тому времени уже серию статей Л.А. Тихомирова, однозначно высказывалась в пользу восстановления патриаршества, доказывая государю, что его власть от этого только укрепит. Не случайно Патриарх Никон назывался в заметке «другом царским»; неизвестный автор ставил вопрос, когда же наконец засияет прежней жизнью символическое место «царя мира». У газеты имелись для таких вопросов веские основания: в церковных кругах было известно, что Николай II читал записку Л.А. Тихомирова и соглашался с ней. Более того, по словам генерала А.А. Киреева, «в уме государя в Москве, очевидно, боролись какие-то противоречивые течения. Несомненно, предполагалось что-то серьезное в области Церкви. В типографии чиновники сидели до 9 часов субботы (перед Пасхой), но их распустили». К сожалению, не известно, что планировалось объявить: прямых материалов на этот счет обнаружить не удалось. Но косвенные данные (сообщение Киреева и заметка в «Московских ведомостях») свидетельствуют, что государственных решений о Церкви ждали. К тому же весной 1903 г., очевидно, в Москве у митрополита Антония (Вадковского) состоялся разговор с дядей царя, московским генерал-губернатором великим князем Сергеем Александровичем. Разговор касался необходимости изменения строя церковной жизни. Сергей Александрович сочувствовал церковным реформам. А спустя месяц, в мае 1903 г., министр внутренних дел В.К. Плеве рассказал митрополиту Антонию, что у него состоялся разговор с государем и что он, Плеве, хотел бы поговорить с Владыкой о необходимости переустройства церковного управления на основах канонов. Хотя разговор так и не состоялся, у столичного архипастыря сложилось впечатление, что Николай II этим вопросом серьезно занят.

В июле 1903 г. в жизни Православной Российской Церкви произошло одно из наиболее ярких и выдающихся событий начала XX в.: при непосредственном участии Государя в Сарове (что на границе Тамбовской и Нижегородской губерний) были организованы торжества, посвященные прославлению великого русского святого преподобного Серафима. Вместе с Импера-

тором и членами Дома Романовых в торжествах приняли участие от 150 до 300 тысяч богомольцев – огромное и по тем временам число. Для Николая II участие в Саровских торжествах стало символом его единения с народом, возможностью преодолеть «средостение» и с Божией помощью решить церковные нестроения.

Эти же церковные нестроения пытались обсудить и, по возможности, разрешить представители русской богословской науки: не случайно в том же 1903 г. в журнале Московской Духовной Академии «Богословский вестник» появилась работа заслуженного ординарного профессора МДА Н.А. Заозерского – крупного специалиста в области церковного права и православного публициста, откликавшегося на злободневные вопросы церковной жизни. Собственно говоря, его работа представляла собой развернутый ответ на статью Л.А. Тихомирова. Уже на первых страницах своего исследования Заозерский специально подчеркнул, что стоит «неуклонно лишь на почве принципов православно-церковного права». С этой точки зрения он подверг критике «формальный подход» Тихомирова к исследованию причин слабости церковного управления.

Профессор считал главной причиной исключительно канцелярский, замкнутый принцип ведения всего церковного управления. «Наша иерархия правит народом православным чрез посредство канцелярий, чрез посредство бумаг, не входя с ним в непосредственное живое соприкосновение: вследствие этого все меры иерархии – законодательные, административные, судебные не имеют в глазах народа не только нравственного авторитета, не действуют на сердце или совесть его, но и не достигают должной общеизвестности, популярности». Он полагал, что сказанное относится как к епархиальному, так и к центральному управлению.

Но то была лишь одна причина слабости. Вторую Заозерский видел в полном разобщении нравственно-интеллектуальных сил, имевшихся в распоряжении Церкви. Получалось, что у православной конфессии нет объединяющего принципа, который позволял бы ей соответствовать выдвигаемым временем задачам духовного окормления. Понимая это, профессор предлагал обратиться к решению проблемы прихода, ибо возрождение его как церковного общества пробудит интерес к церковным делам у мирян – вне их социального положения или половой принадлежности, – а через это выведет и приходской причт из изолированного положения, в котором последний пребывает. Заозерский напоминал читателям журнала, что Православная Церковь в России «нигде не называется обществом лиц, связанных единством веры и единством обязанностей ее исповедания. А между тем по канонической норме все ее устройство, все ее действия, все детали ее учреждений проникнуты сплошь общественным характером».

Разумеется, предложенное Н.А. Заозерским исправление было пожеланием идеалиста: едва ли возможно с помощью реформы изменить отношение к обязанностям исповедания, преодолеть разобщенность верующих. Но пафос выступления заключался в том, что любая реформа без такого преодоления будет пустым звуком. Привлечение внимания к коренному недостатку в церковном сознании (разобщенности верующих) можно считать основной мыслью, проводимой в работе Заозерского. Если бы архиереи, иереи, ревностные миряне и монашествующие, полагал он, с большим усердием заботились об исправлении этого недостатка, то ««обновление» и «полнота» церковного организма явились бы сами собою; тогда сама жизнь сочетала бы иерархический и общественный элементы церковного устройства в такие формы и учреждения, которые далеко совершеннее проектируемых нашими, то есть моими и Л.А. Тихомирова, статьями».

На этом история полемики не завершилась: как комментарий уже к обеим статьям (Н.А. Заозерского и Л.А. Тихомирова) вскоре, в ноябре 1903 г., была написана работа профессора МДА по кафедре истории философии П.В. Тихомирова, однофамильца Л.А. Тихомирова. Появилась она в «Богословском вестнике» – в январском и февральском его номерах за 1904 г. Отметив факт долговечности петровского церковного управления, П.В. Тихомиров признал, что «за весь этот период трудно указать такое время, когда бы как в духовенстве, так и в народе

не существовало скрытого недовольства своими церковными порядками, проявлявшегося иногда и в форме открытой критики и протестов». По словам профессора, за последние 30–40 лет и духовная, и светская журналистика постоянно возвращаются к этому вопросу.

Действительно, в 1860-е гг., в эпоху Великих реформ, вопрос о месте Православной Церкви в русском обществе, равно как и проблема церковных реформ были весьма актуальны и привлекали внимание современников. Однако в дальнейшем, особенно в годы правления императора Александра III и обер-прокурорства К.П. Победоносцева, ситуация кардинальным образом изменилась. Только с 1890-х годов вновь начала разгораться полемика. Об этом Тихомиров и напоминал своим читателям. «Теперь старый вопрос опять поставлен на очередь», – отмечал он. Сделав эти предварительные замечания, профессор решил осветить только одну принципиально важную историко-каноническую сторону вопроса о церковном управлении.

По его мнению, существовавшая в русской Церкви форма этого управления введена была без соблюдения необходимых канонических условий. Далее, рассмотрев те основания, которые приводились для оправдания церковной реформы Петра Великого, П.В. Тихомиров делал вывод, что «приговор об их каноническом достоинстве приходится дать отрицательный». Более того, профессор заявил, что светская власть в России провозгласила принцип своего верховенства над Православной Церковью и *de facto* захватила в свои руки ее высшее управление. А этот захват Церковь не одобрила и не признала. Следовательно, свое «теперешнее» (то есть синодальное) состояние Церковь могла признавать только временным. В петровской синодальной системе, писал П.В. Тихомиров, решительно нечем дорожить, а стремление к ее реформе необходимо приветствовать, возродив в церковной жизни господство «канонической соборности».

Впрочем, помимо публицистических статей, в которых резко критиковалось антиканоническое положение Православной Церкви и предлагались меры по решению церковного вопроса, тогда же увидела свет и апологетическая брошюра барона А.А. Иксуля «Отношения государства к религии». Можно предположить, что заинтересованной стороной в издании брошюры выступала светская власть, ибо проводимые Иксулем мысли должны были доказать одну «непреложную» истину: реформа Петра Великого *не испортила, а исправила* существовавшие в России церковно-государственные отношения. Не разделяя известную и популярную в Европе идею итальянского политика Кавура о свободной Церкви в свободном государстве, барон заявлял, что при разработке законоположений, касающихся религии, необходимо избегать мер, которые отталкивали бы государство от религии, ибо религия – не частное дело.

«Едва ли можно сомневаться в правильности вывода, – писал А.А. Иксуль, – что, воспрещая в деле религии все, что государству вредит, правительство не должно, однако, устанавливать при этом стеснений, не вызываемых действительною, безусловною необходимостью». При этом он подчеркивал, что духовенству не следует обладать государственной властью, точно так же как и последней не следует претендовать на непосредственное церковное управление. Автор много говорил о вреде принудительных мер в области религии, стараясь проиллюстрировать это доказательствами, взятыми не из российской, а из европейской практики. После такого экскурса барон специально остановился на религиозных проблемах, существовавших в России, указав, что «нигде в мире не существует, кажется, такой живой связи между государством и Церковью», как в нашей стране.

Казалось бы, должен последовать разбор последних публикаций, в которых анализировались церковно-государственные отношения и церковная реформа Петра Великого. Но автор поступил иначе. Понимая, что лучшая оборона – это нападение, барон заявил, что русская государственная власть совершенно правильно поступила, упразднив патриаршество, поскольку оно «стремилось подняться на царскую высоту и могло бы, в своих отношениях к непосредственным и прямым государственным задачам, присваивать себе те же нежелательные вмешательства в них и соперничества, которыми отличается папство». В этих сло-

вах слышны отголоски «Духовного регламента» Феофана Прокоповича, писавшего в начале XVIII в. о вреде патриаршества по причине непонимания простым народом отличий духовной власти от самодержавной. По существу, А.А. Иксуль вновь популяризировал старый тезис: самодержавие не терпит двоевластия.

Однако Иксуль позволил себе и более серьезный разбор проблемы, полагая желательным расширение свободы веры до свободы совести. По мнению автора, это не привело бы к отпадению православных в католицизм или протестантизм, но ослабило бы переход православных в русские расколы, «совпадающие с русским характером и настроением». Иллюстрировал сказанное пример старообрядцев, численность которых не уменьшалась из-за законодательных воспрещений. В качестве доказательств из новейшей литературы А.А. Иксуль использовал только газету «Гражданин».

Это было не случайно. Барон признавался в конце своего труда, что при его составлении руководствовался высочайшим повелением «укрепить неуклонное соблюдение властями, с делами веры соприкасающимися, заветов веротерпимости, начертанных в Основных законах империи Российской, которые, благоговейно почитая Православную Церковь первенствующей и господствующей, предоставляют всем подданным нашим инославных и иноверных исповеданий свободное отправление их веры и богослужения по обрядам оной».

Как известно, эти слова взяты из манифеста 26 февраля 1903 г., в составлении которого В.П. Мещерский принимал самое живое участие. Князь еще с 1902 г. стал проводить в своем проправительственном издании идею гармонии свободы и самодержавия и, разумеется, хотел, чтобы эта мысль вошла в манифест. Но «либерализм» Мещерского сочли неуместным в официальном документе, и Николай II вместе с В.К. Плеве изъяли соответствующий пассаж. Видимо, не желая оставлять своей идеи, князь решил популяризовать ее в брошюре А.А. Иксуля, тем более что вопрос о церковных реформах в тот период активно обсуждался в печати. Понимание актуальности вопроса о свободе совести для эффективного решения стоящих перед Православной Церковью проблем свидетельствовало, что и в правительственных (или околоправительственных) кругах сознавали неизбежность реформ, но не представляли еще путей, по которым можно было бы провести эти реформы наиболее безболезненно.

Однако даже подобные статьи, авторы которых, оправдывая синодальную петровскую систему, все-таки полагали важным делом укрепление начал веротерпимости в империи, были неприемлемы для обер-прокурора, ибо свидетельствовали о необходимости серьезных изменений в духовной сфере, то есть находили тогдашнее положение Православной Церкви неудовлетворительным.

В конце концов жертвой этой дискуссии все же стал и К.П. Победоносцев – символ неизменности религиозно-политических порядков, существовавших в императорской России. 2 ноября 1904 г. в газете «Русское слово» был опубликован антипобедоносцевский памфлет молодого священника Григория Петрова – популярного в те годы петербургского проповедника, преподавателя богословия в Политехническом институте и настоятеля церкви при Артиллерийской академии. Не называя обер-прокурора по имени, автор совершенно прозрачно намекал на него – современники без труда могли узнать в «страшном нигилисте» (так назывался фельетон) именно Победоносцева. Через два дня «Страшный нигилист», правда уже под иным названием – «Великий инквизитор» – появился на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей».

Спустя несколько дней начальник Главного управления по делам печати Н.А. Зверев уверял своих знакомых, что про фельетон ему никто не доложил, стремясь подчеркнуть свою непричастность к появлению на страницах легальной русской прессы политического обвинения в адрес многолетнего обер-прокурора Святейшего Синода. То, что фельетон был написан священником, можно рассматривать как определенное «знамение времени»: самый факт публикации, последующая ее перепечатка, а также безнаказанность автора – все это показывало

недееспособность победоносцевской системы управления Церковью. И дело было не столько в личности обер-прокурора, сколько в том, что эта личность олицетворяла.

«Все, что было честного и талантливого в стране, все сторонилось изможденного старика, – писал Григорий Петров. – Ему приходилось брать, кто шел к нему сам, и подбор получился ужасный. Ни одного искреннего, убежденного, идейного, одушевленного делом веры человека. Сплошь почти были казнокрады, взяточники, в лучшем случае – черствые карьеристы, бездушно холодные и к Богу на небе, и к Божьему делу на земле». Рисуя «людей и нравы» ведомства православного исповедания, автор отдавал должное уму «старика», работавшего во имя Бога «с руками по локоть в крови». Создавалась удручающая картина исключительного цинизма, вытекавшего из абсолютного недоверия «страшного нигилиста» к людям – «разной подлости в человеческом виде». Итог виделся простым и ужасным: «старик» потерял веру во все, «осталось одно голое ничто, и с этим “ничто” надо идти к Тому, Кто был, есть и будет Все».

Это был жестокий и во многом несправедливый приговор К.П. Победоносцеву, вынесенный на закате его политической карьеры. Обер-прокурор воспринимался как олицетворение всего того, что мешает России идти вперед. Его голый критицизм, неумение найти позитивное решение какой бы то ни было проблемы к тому времени стали притчей во языцех. Чем дальше, тем больше исторический пессимизм Победоносцева становился нетерпимым, ведь в изменявшихся политических условиях требовался активный поиск выхода из тупика, а не сетования по поводу совершаемых при движении ошибок. В начале XX в. многие государственные деятели империи, порой откровенно враждовавшие друг с другом (как, например, С.Ю. Витте и В.К. Плеве), сходились в признании насущности реформ, в том числе и в сфере религиозной политики.

Эти реформы активно готовились на протяжении 1904 г., результатом чего вполне можно считать подписание Государем 12 декабря 1904 г. указа «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». Разрабатывать предложения по реализации указа должен был Комитет министров, председатель которого С.Ю. Витте старался как можно более расширить отведенную Комитету роль, сделав его своеобразным «штабом» преобразований. К своим правам Витте относил и образование особых вневедомственных совещаний, председателей которых, правда, должен был назначать Государь. Для разработки рекомендаций по выполнению шестого пункта указа, в котором говорилось о неуклонном желании самодержца охранять терпимость в делах веры, было организовано Совещание министров и председателей департаментов Государственного совета. Перед этим органом была поставлена задача пересмотреть «узаконения о правах раскольников, а равно и лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям».

О Православной Церкви речь как будто не шла. Однако было ясно, что пересмотр прав старообрядцев и представителей неправославных исповеданий неминуемо затронет интересы первенствующей и господствующей в империи конфессии. Закономерно, что вопрос о положении Православной Церкви был поставлен в результате пересмотра общего государственного устройства: «симфония» властей в ее имперском варианте означала примат светской власти над властью духовной. Это прекрасно понимали и современники. Так, митрополит Евлогий (Георгиевский), вспоминая прошлое, заметил, что именно «реформа государственного устройства повлекла за собой и проект реформы Церкви».

События развивались следующим образом.

После 2 марта 1905 г. Комитет министров по поручению своего председателя С.Ю. Витте подготовил и разослал министрам и председателям департаментов Государственного Совета предложенную к слушанию в совещании записку митрополита Антония (Вадковского) «О желательных преобразованиях в постановке у нас Православной Церкви». Кроме того, была подготовлена и «Справка к вопросам о желательных преобразованиях...», представляющая

собой извлечения из книг и статей по затронутой проблеме. Совпадение названий правительственной справки и записки столичного архипастыря свидетельствовало о решимости светских властей поставить вопрос о церковных реформах на повестку дня.

Доказывали это и сами подобранные к заседанию «извлечения», открывавшиеся работой Л.А. Тихомирова. Во всех «извлечениях» вопрос о необходимости церковных изменений не ставился под сомнение. Материал был подобран так, чтобы показать неканоничность петровских церковных преобразований, неправомерность раздутых полномочий обер-прокурора Святейшего Синода, необходимость возобновления регулярных созывов Поместных Соборов и выборов Патриарха.

Таким образом, направленность «Справки» достаточно понятна: продемонстрировать на историко-канонических примерах необходимость церковной реформы. Составители, встав в оппозицию господствовавшим тогда формам управления Православной Церковью, хотели подготовить Совещание министров и председателей департаментов Государственного Совета к шагам в направлении, желательном для реформаторов во главе с Витте и митрополитом Антонием.

12 марта 1905 г. К.П. Победоносцев ответил на материалы, посланные ему управляющим делами Комитета министров. Этим ответом были «Соображения статс-секретаря Победоносцева по вопросам о желательных преобразованиях в постановке у нас Православной Церкви».

Уже с первых же строк обер-прокурор стремился доказать вред предлагаемых изменений, исходя из выгод существовавшего церковно-государственного союза. Более того, Победоносцев пытался утверждать, что в России не было внутренней потребности во введении патриаршества, что реформой Петра Великого власть и честь епископов лишь возвысилась и уничтожились разлады между архиереями. Святейший Синод, говорилось в записке, – это постоянный Собор, необходимый в России по причине обширности и беспутья страны. Что же касается неурядиц XVIII столетия, то они вызывались не реформой Петра, а тогдашним засилием немцев и всеобщим невежеством в делах веры. С XIX столетия, когда нравы «постепенно смягчались», ничто не мешало Церкви увеличивать свое духовное влияние в народе.

Искренний почитатель великого преобразователя России, Победоносцев утверждал, что меры Петра в отношении духовенства были объективно оправданы тем, что Император не имел в своем распоряжении иного «орудия», кроме духовенства, а обязанность клириков, согласно петровскому указу, доносить об услышанных на исповеди готовившихся государственных преступлениях, давно потеряла значение и об этом следует забыть.

Впрочем, гласно рассматривать вопрос о церковной реформе на совещании Победоносцев не собирался, предпочитая действовать наверняка – через Императора. При этом, осознавая, что «замолчать» вопрос не удастся, обер-прокурор решил переиграть С.Ю. Витте самым простым способом – испросив у Николая II *разрешение на рассмотрение дела Святейшим Синодом*. Победоносцев полагал, что в Синоде сможет без труда добиться нужного результата, не допустив реформы высшего церковного управления. Видимо, с этой целью и была составлена специальная записка, представленная Государю за подписью товарища (заместителя) обер-прокурора В.К. Саблера. Очевидно, что данное обстоятельство послужило причиной встречи Саблера с Николаем II 13 марта: товарищ обер-прокурора был единственным официальным посетителем Царского Села в тот воскресный день.

Переданная Государю записка состояла из пяти пунктов, в первом из которых заявлялось, что «вопрос о поставлении Православной Церкви в соответствующее ее достоинству положение» был поднят по почину Императора, *и не какого-либо иного лица*. Прозвучавшее указание нельзя не признать сильным ходом со стороны обер-прокуратуры: всем напоминалось, что инициатор любых изменений в стране (в том числе и касавшихся положения Православной Церкви) – самодержец, без воли которого не может ничего делаться. После сказанного позволительно было напомнить Николаю II, что и мысли о созыве Собора, благоустроении

прихода, упорядочении духовно-учебных заведений неоднократно им высказывались, почему и осуществление этих «царственных забот» должно начаться по указанию самодержца, *и не иного лица*».

Затем следовали конкретные предложения: возложить исполнение высочайших повелений, касавшихся Церкви, на Святейший Синод, ибо обсуждение и решение церковных вопросов в Совещании министров и председателей департаментов Государственного Совета «умалило бы» авторитет Святейшего Синода и вызвало в церковной жизни крупные осложнения. Правда, в записке не указывалось, какие осложнения могли произойти в случае обсуждения вопроса в совещании, но этого и не требовалось: ставка была сделана на испуг Императора. Не случайно в том же пункте сообщалось, что подготовленная для Витте и выпущенная от его имени записка «О современном положении Православной Церкви» выставляет в качестве основного тезис о неканоничности церковного управления со времен Петра Великого, который – де может доставить «великое торжество старообрядцам», постоянно это утверждавшим. В конце подчеркивалось, что для блага Православной Церкви следовало бы изъять вопрос о церковных преобразованиях из ведения Совещания, тем более что на точном основании указа от 12 декабря 1904 г. он не относился к числу дел, рассматривать которые входило в компетенцию Совещания.

Император согласился с предложением и оставил на записке резолюцию: «Изъять вопрос из Совещания и передать на рассмотрение Святейшего Синода». В тот же день, 13 марта, К.П. Победоносцев контрассигновал императорскую подпись. Обер-прокурор Святейшего Синода мог праздновать победу: представлявшееся ему опасным дело было вырвано из рук С.Ю. Витте. Однако победа Победоносцева была пирровой, и в этом он смог убедиться буквально через несколько дней.

Первоприсутствующий член Святейшего Синода митрополит Антоний уже 14 марта откровенно написал обер-прокурору о том, что сделанный им шаг – неправильный, так как в Комитете министров вопрос о церковных преобразованиях «вырастал органически из ранее поставленных вопросов религиозного порядка. Чрез Комитет само государство сказало бы, что оно снимает самим же им наложенные на церковную жизнь узы и предоставляет Церкви самой рассудить о способах устройства церковного управления по каноническим основаниям. Вот тогда бы, – полагал митрополит, – и началась работа Синода по организации Поместного Собора для устройства церковных дел».

Ответил Победоносцеву и Витте. Председатель Комитета министров прежде всего констатировал отсутствие у Победоносцева возражений по основному вопросу – о неканоническом характере церковной реформы Петра Великого. Витте справедливо полагал, что критиковавшееся обер-прокурором состояние церковной жизни при патриархах не давало оснований к разрыву с каноническим порядком церковного управления. В ответе С.Ю. Витте разбирались также и отдельные пункты записки К.П. Победоносцева: о возможном ослаблении церковно-государственных связей, о совершенном устранении из духовного ведомства бюрократического элемента, о средствах обеспечения духовенства, о несении духовенством полицейско-сыскных функций и о недочетах духовной школы. По всем пунктам ответ давал жесткую и аргументированную критику, свидетельствовавшую о том, что церковное «общественное мнение», симпатии историков Церкви и богословов – на стороне Витте, что его позиция «канонически аргументирована» лучше, чем позиция, защищавшаяся К.П. Победоносцевым.

Но обер-прокурор не обратил тогда внимания ни на заявления С.Ю. Витте, ни на слова митрополита Антония, тем более что последнему он в то время уже не доверял. Расчет Победоносцева был вполне ясен: с помощью подконтрольного (как он думал) Синода показать Императору, что никакой реформы Церкви не требуется, что иерархи вполне довольны состоянием дел и самим институтом высшего церковного управления. Однако его надеждам не суж-

дено было исполниться. Иерархи выказали полную поддержку идее реформы Церкви, решив использовать, сколь возможно, полученное право рассмотреть вопрос «о желательных преобразованиях».

17 марта 1905 г. Святейший Синод официально выслушал предложение обер-прокурора от 13 марта о том, что ранее предложенный к обсуждению в особом Совещании министров и председателей департаментов Государственного Совета вопрос переносится на его рассмотрение. Дабы исполнить высочайшую волю, члены церковного правительства признали необходимым пересмотреть существовавшее в России государственное положение Православной Церкви, «ввиду изменившегося положения инославных исповеданий, глаголемых старообрядцев и сектантов, и преобразовать управление церковное». С этой целью Святейший Синод полагал необходимым прежде всего ввести в свой состав, наряду с постоянными, членов, вызываемых поочередно «из иерархов Российской Церкви», и возглавить Синод, «чести ради Российского государства», Патриархом, облеченным полномочиями областного архиерея. Это заявление можно было прочесть и таким образом, будто Патриарх виделся членам Святейшего Синода лишь декоративной фигурой (по крайней мере, указание на «областные полномочия» Патриарха дает возможность сделать подобное предположение). Таким образом, светские власти предупреждались о том, что властных «поползновений» у сторонников восстановления патриаршества нет.

Далее предлагалось созвать в Москве Поместный Собор из всех епархиальных епископов (или их представителей), на котором обсудить принципиальные вопросы церковной жизни. Среди этих вопросов значились следующие: о разделении России на церковные округа, управляемые митрополитами, что вызывалось «необходимостью передачи дел второстепенной важности из высшего управления в местные управления»; о пересмотре законоположений об органах епархиального управления и суда; о реформе прихода; об усовершенствовании духовных школ; о пересмотре законов о церковной собственности; о епархиальных съездах; о праве иерархов участвовать в заседаниях Государственного Совета и Комитета министров, а рядового духовенства – в местных городских, сельских и земских учреждениях при рассмотрении вопросов, затрагивавших интересы Церкви.

Святейший Синод просил императора созвать «в благопотребное время» в Москве Поместный Собор, избрать Патриарха и разрешить поставленные выше вопросы. 22 марта документ подписали семь членов Святейшего Синода: три митрополита – Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский), Московский Владимир (Богоявленский) и Киевский Флавиан (Городецкий), архиепископ Финляндский Николай (Налимов) и епископы – Волынский Антоний (Храповицкий), Владимирский Никон (Софийский), Винницкий Климент (Берниковский). Примечательно, что замещавший Победоносцева в заседаниях В.К. Саблер не только встал на сторону митрополита Антония и других приверженцев реформы, но также принял на себя редакцию текста всеподданнейшего доклада!

Однако этим действия синодалов не ограничились. Уже 18 марта 1905 г. они подготовили и подписали специальное обращение к государю, в котором поблагодарили его за «почин делу великому, вечному и святому» – рассмотрению дела о церковных преобразованиях. Указав на благо восстановления соборного начала, «теперь не действующего», иерархи подчеркнули, что в нем заключается творческая сила и высшее нравственное достоинство Церкви, «а управляющие поместными Церквами Патриархи и митрополиты <...> стараются о том, чтобы обычное течение церковной жизни продолжалось в строгом согласовании с соборными постановлениями». Члены Святейшего Синода, таким образом, заявили, что инициатор реформ – сам Государь, а они – лишь исполнители его высочайшей воли.

Для Победоносцева это был неприятный сюрприз. Уже через два дня после заседания Святейшего Синода, проходившего 17 марта, и спустя сутки после подписания иерархами обращения к Николаю II он решил личным письмом известить императора о происшедшем.

Разговор о церковных реформах, по мнению Победоносцева, был явно несвоевременным в условиях смуты, царившей в стране (разгоралась революция, в дальнейшем названная Первой). Он вновь повторял старые упреки, что поднял этот вопрос митрополит Антоний «по личному соглашению с председателем Комитета министров» и что все направлено главным образом против должности обер-прокурора. Зная, что Государь не был противником созыва Собора, Победоносцев не стал тогда писать о ненужности Собора, лишь указав на трудности его созыва в современной ситуации.

Обер-прокурор знал, что делал: ведь уже 23 марта 1905 г., по своей должностной обязанности, он официально передал Государю всеподданнейший доклад Святейшего Синода. К этому докладу был приложен и проект высочайшего указа Святейшему Синоду, который, по мнению иерархов, император вполне мог одобрить. «С сердечным сочувствием соизволяя на постановление Святейшего Синода о поставлении строя церковного управления в соответствие с применением к оному соборного начала, – говорилось в проекте указа, – не оставляю в благопотребное по нынешним обстоятельствам время созвать для сего по древнему примеру православных императоров Поместный Собор всероссийской Церкви». Наличие проекта высочайшего указа говорит само за себя: подготовившие его иерархи надеялись на утверждение своего доклада.

В отличие от них, обер-прокурор не мог вдохновляться перспективами кардинальных изменений всего строя церковной жизни. Видимо, поэтому спустя шесть дней после первого письма, 25 марта, Победоносцев решился вновь обратиться к Николаю II. В новом послании обер-прокурор указывал, что церковная реформа «изобретена» митрополитом, что Собор принес бы только смуту, что, «кроме небольшого кружка некоторых здешних священников, монахов, профессоров, возбуждающих митрополита, простые русские люди и все белое духовенство, во множестве сельское с белым, возмущены до глубины души и шлют отчаянные вопли, проклиная участников дела и называя их гапонцами».

Делая такие заявления, Победоносцев мог опираться и на консервативную прессу, например на «Московские ведомости». Именно в этой газете, ранее опубликовавшей статьи Л.А. Тихомирова о насущных церковных преобразованиях, 25 марта 1905 г. была помещена заметка с характерным названием «Церковный переворот». «Не более недели назад, – говорилось в ней, – никто из православных русских людей, – кроме, может быть, немногих посвященных в тайны митрополита Антония и С.Ю. Витте, – не подозревал, что к числу множества переворотов и попыток к переворотам, приводящих Россию во внутреннее бессилие при борьбе с внешним врагом, присоединится еще переворот церковный». Газета указывала, что «семидневным переворотом» был попран дух церковного канона, состоящий в единении мысли и воли всей Церкви. Лихорадочность и скороспелость реформы, убеждали «Московские ведомости», неизбежно будет иметь множество ошибок. Кроме того, и время выбрано неудачно: Отечество переживает тяжелую войну, и стремление именно теперь провести церковные изменения заставляет задуматься над вопросом: не с целью ли захвата власти решились на них церковные реформаторы? Заметка была на руку Победоносцеву, доказывая правильность его тезиса о «простых русских людях, возмущенных до глубины души» действиями инициаторов церковной реформы.

Убежденный в собственной правоте, Победоносцев внушал Государю, что «инициаторы» (а ими после решения от 22 марта 1905 г. можно было считать и членов Святейшего Синода) – политически безответственные и близорукие люди, которые преследовали свои корыстные цели в ущерб общецерковным интересам. Двусмысленно выглядело и сравнение их с Георгием Гапоном. Этот священник после событий 9 января 1905 г. был «притчей во языцех» не только для церковного, но, в большей степени, и для светского начальства. То, что священник-академист, решивший посвятить себя деятельности среди рабочих, в итоге оказался революционером, противником власти и Церкви, было результатом двойной игры охраны.

Чины политической полиции не считали аморальным использовать в своих целях православного клирика и в случае необходимости «прикрывали» его, помогая разрешать конфликты с духовными властями. Чем эта игра закончилась – известно. «Какой-то священник-социалист», по словам Императора Николая II, оказался знаковой фигурой разворачивавшейся тогда революции, а его имя стало нарицательным. В этих условиях сравнивать церковных иерархов, поддерживавших дело церковной реформы, с Гапоном – значило давать им сугубо отрицательную характеристику.

В своем письме Победоносцев не постеснялся самым негативным образом охарактеризовать архиерейское управление, тем самым оттенив власть обер-прокурора как власть «удерживающего». «Зло готовится великое и великая в духовенстве смута», – резюмировал он. Получалось, что русские архиереи не только не могут сами управлять церковным кораблем, но и не должны этого делать по причинам субъективным: корыстолюбию, самовластью и т. д.

Чтобы добиться нужной ему резолюции, обер-прокурор предложил Государю компромиссный вариант: признав невозможным «в переживаемое ныне тревожное время» созвать Поместный Собор, взять на себя инициативу, «по древним примерам православных императоров», дать этому делу ход для канонического обсуждения предметов веры и церковного управления, «когда наступит благоприятное время для сего». Но определение времени как «благоприятного» целиком зависело от Государя и могло затягиваться на неопределенное будущее, позволяя использовать церковные факторы в политической игре. К тому же Победоносцев в предложенном проекте высочайшей резолюции использовал те же выражения, что и его оппоненты – члены Святейшего Синода. Разница была только в одном: иерархи считали наступившее время «благопотребным» для созыва Собора, а Победоносцев видел его в отдаленном и неопределенном будущем.

За день до того, как Николай II наложил свою резолюцию, обер-прокурор получил от него записку, свидетельствовавшую, что император не склонен принимать членов Святейшего Синода, подписавших 18 марта адрес и желавших благословить его иконой. Предполагалось на днях дать аудиенцию лишь митрополиту Антонию. Казалось, влияние обер-прокурора вновь было восстановлено: члены Святейшего Синода не были приняты Государем. Отказ Николая II дать им аудиенцию явился характерным знаком того, что резолюция на докладе Святейшего Синода будет не в пользу подписавших его иерархов. Так все и случилось: 31 марта 1905 г. император начертал на докладе именно ту резолюцию, которую ранее предложил ему обер-прокурор.

Впрочем, новая «победа» досталась Победоносцеву сомнительной ценой беспрецедентного нажима на Государя. Убедив его в несвоевременности Собора, обер-прокурор тем самым несколько не усилил собственные позиции, просто отложив требовавшие скорейшего разрешения вопросы церковных преобразований «до лучших времен». Это было тем более удивительно, что всего за неделю до появления царской резолюции информированные современники говорили о восстановлении патриаршества как о решенном деле. Впрочем, наряду с этим современники не забывали указывать, что проблема заключается вовсе не в титуле первого епископа, а в свободе Церкви.

«Странно, конечно, чтобы религиозная реформа чуть было не попала в руки Витте и К^о, – отмечал в конце марта генерал А.А. Киреев, – но ведь *Победоносцев* не лучше! Дело в целом строе Церкви, а не в табели о рангах. Вероятно, патриарх будет причислен к 1-му классу, приравнен [к] фельдмаршалу и государственному канцлеру. Но ведь это не придаст ему силы и самостоятельности, а все дело в этом!» Все будет удачно, полагал Киреев, если «патриарху представится возможность рассчитывать на настоящую свободу Церкви». Но в том-то и было дело, что Победоносцев видел в стремлении провести церковную реформу прежде всего игру архиерейских честолюбий, подозревая их в желании обособиться от государства, введя в Православной Церкви патриаршество. Понимание канонической свободы было ему

чуждо и, вероятно, просто непонятно, поскольку не укладывалось в рамки существовавшей в России модели государственно-церковных взаимоотношений.

Победоносцев уверял царя, будто Высочайшая резолюция от 31 марта, положенная императором на докладе Святейшего Синода, «сразу успокоила новую разрастающуюся смуту и подняла дух у многих людей, растерявшихся и в духовенстве, и во всех слоях общества, и в народе». Такой сугубо канцелярский подход к сложной проблеме весьма показателен: обер-прокурору казалось, что резолюция могла остановить неправильное течение церковной жизни! Разумеется, он считал необходимым приостановить и непосредственные контакты церковной иерархии с верховным носителем власти. Поэтому-то Победоносцев предложил Государю отменить прием митрополита Антония – «на некоторое время». Император и на этот раз послушался своего старого учителя: до мая митрополит Антоний не переступал порога царской резиденции. Считавший столичного архиерея «заговорщиком», обер-прокурор именно в нем видел олицетворение того вреда, который могла бы нанести союзу Церкви и государства реформа высшего церковного управления.

Тогда же Победоносцев перестал доверять и своему многолетнему товарищу В.К. Саблеру, поддержавшему в марте 1905 г. членов Святейшего Синода. Как вспоминал С.Ю. Витте, в результате поддержки решения Святейшего Синода о необходимости созыва Собора и учреждения патриаршества, Саблер «должен был оставить место товарища обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева, а митрополит Антоний впал в опалу со стороны все-сильного обер-прокурора». После случившегося Саблер был конченным человеком в глазах чиновников ведомства православного исповедания. В ведомстве определенно говорили, что

Победоносцев, представляя императору доклад о его увольнении, дал бывшему заместителю «такую аттестацию, которая его окончательно похоронила».

Товарищ обер-прокурора покинул свой пост потому, что Победоносцев перестал видеть в нем своего единомышленника, перестал ему доверять, взяв заместителем князя А.А. Ширинского-Шихматова, которого сам же считал реакционером. Ширинский-Шихматов был товарищем Победоносцева вплоть до отставки последнего 19 октября 1905 г. В дальнейшем, правда на короткое время, с 26 апреля по 9 июля 1906 г., князь успел даже побывать в кресле главы ведомства православного исповедания, но окончательно оставил обер-прокуратуру после прихода к власти П.А. Столыпина.

Важно также отметить, что, оценивая события весны 1905 г., современники усматривали в «победе» обер-прокурора над «Антонием-Витте» не только отмену готовившихся реформ. Так, А.А. Киреев увидел в высочайшей резолюции от 31 марта и не указанное императором «благоприятное» для созыва Собора время. По мнению генерала, Государь отстранил его созыв «до окончания [русско-японской] войны». Более того, писал Киреев, если Святейший Синод говорил о съезде иерархов, то Государь – о Соборе русской Церкви.

К.П. Победоносцев одержал в конце марта – начале апреля 1905 г. свою последнюю крупную политическую победу: добился отмены вредного, как он полагал, предложения Святейшего Синода. 27 апреля 1905 г. обер-прокурор присутствовал на высочайшем завтраке, что считалось знаком благоволения к нему самодержца. Это была последняя продолжительная встреча обер-прокурора с Николаем II. С того времени и вплоть до октябрьских событий 1905 г. влияние Победоносцева стремительно падало – прямо пропорционально росту революции, итогом которой стал окончательный слом старой политической системы и введение в России конституционных начал, по словам Победоносцева – «великой лжи нашего времени». И тем не менее, летом 1905 г. влияние Победоносцева на церковные дела было довольно-таки значительным. Именно тогда он вновь напомнил о себе, продолжив борьбу с ненавистными ему идеями церковного реформаторства. Разочаровавшись в Святейшем Синоде, Победоносцев решил сделать ставку уже на весь епископский корпус русской Церкви. 28 июня Святейший Синод рассмотрел предложение обер-прокурора «о необходимости подготовительных работ

по вопросам, предложенным к рассмотрению на Поместном Соборе Всероссийской Церкви». Предлагалось рассмотреть вопросы о разделении России на церковные округа под управлением митрополитов, о преобразовании церковного управления и суда, о приходе, об усовершенствовании духовных школ, о порядке приобретения церковной собственности, о епархиальных съездах, об участии священнослужителей в общественных организациях и о предметах веры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.